

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ГРНТИ 03

РЖ реферативный журнал

ISSN 2219-875X

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

2013 **3**

СЕРИЯ **5**

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ РОССИИ И СССР

МАЦУЗАТО К. СОЗДАНИЕ ПРИАМУРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА И «ПЕРЕКРОЙКА» АЗИАТСКОЙ РОССИИ.

MATSUZATO K. The creation of the Priamur governor-generalship in 1884 and the reconfiguration of Asiatic Russia // Russian rev. - N.Y., 2012. - Vol. 71, N 3. -P. 365-390.

Ключевые слова: Россия; вторая половина XIX в.; административно-территориальная реформа; Приамурское генерал-губернаторство.

Автор статьи - Кимитака Мацузато, японский историк, профессор университета Хоккайдо, специалист по истории и политике России и Украины - рассматривает учреждение в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства в контексте административно-территориальной реформы на Дальнем Востоке.

Значение Дальневосточного региона, считает автор, русские особенно остро осознали после поражения в Крымской войне, когда по условиям Парижского мирного договора 1856 г. Российская империя лишилась права держать военный флот, арсеналы и крепости на Черном море. Однако в административно-территориальном отношении на Дальнем Востоке, за исключением учреждения Приморской и Амурской областей (Приамурский край вошел в состав России по условиям Пекинского трактата 1860 г.), до 1884 г. сделано ничего не было (с. 366). Эти области управлялись из Иркутска восточно-сибирским генерал-губернатором. Независимое же от последнего губернаторство, получившее название Приамурского, учредили только в 1884 г.

По мнению автора, Россия рассматривала свою политику в Дальневосточном регионе в рамках противостояния с Британской империей, которую считала основным соперником. Однако, считает Мацузато, Россия ничего не достигла в указанном регионе в отличие от Великобритании, которая выстроила первоклассный флот, укрепив свое присутствие и монополизировав всю оптовую торговлю в Южном Китае (с. 365). В целом 1860-е и 1870-е годы (со времени

подписания Пекинского трактата до учреждения Приамурского генерал-губернаторства в 1884 г.) фигурировали в дискурсе русской военной и управленческой элиты как «два потерянных десятилетия» (с. 366).

К. Мацузато подчеркивает различия в интерпретации российско-китайских отношений в Амурском крае в исторических традициях обеих стран. Так, согласно русским историкам, местные племена края были антагонистически настроены по отношению к династии Цин, поэтому «охотно платили дань» русским и казакам. Китайские же историки уверены, что Амурский регион был податным регионом Поднебесной империи еще в эпоху династии Тан, а местные племена неоднократно искали покровительства у китайской правящей династии против казаков. По русской же версии, Н.Н. Муравьев-Амурский направлял казаков и заключенных в Амурский край на поселение еще до подписания Айгунского и Пекинского договоров (с. 374).

Автор подвергает сомнению традиционную периодизацию освоения Россией Дальнего Востока, согласно которой «эпоха Муравьева» (1847-1861 гг., когда генерал-губернатором Восточной Сибири был Н.Н. Муравьев-Амурский), характеризовавшаяся «озабоченностью» вопросом освоения региона, сменилась «забвением» 1860-1870-х годов, впоследствии снова пережившимся на живой интерес к этой проблеме, стимулированный итогами Берлинского конгресса 1878 г. Предлагая собственную периодизацию, Мацузато в качестве основного источника избрал законодательные дебаты в среде российской государственной бюрократии и рассматривает административную реформу в Приамурском крае в контексте «тотальной перекройки» Азиатской России. Он выделяет следующие периоды: 1) начало 1860-х годов - русская экспансия на Дальнем Востоке стимулирует дебаты о территориальной реформе всей Азиатской России; 2) 1863-1878 гг. - вопрос о территориальной реформе на Дальнем Востоке оживляется русской экспансией и продолжительными военными действиями в Средней Азии; 3) 1878—1884 гг. - военное напряжение после Берлинского конгресса способствует разработке комплексной программы управления всей Азиатской Россией (с. 367). Специфика управления регионом

заклучалась в том, что большая часть Азиатской России находилась под юрисдикцией Военного министерства, но в управлении ею также принимали участие Министерство иностранных дел, местные генерал-губернаторы, временные межведомственные комитеты и ряд других бюрократических учреждений (с. 368). Административные границы Азиатской России не соответствовали регионам, которых как таковых и не было, а формировали их. Специфические черты Азиатской России особенно ярко проявляются при сравнении с Европейской частью, где империя инкорпорировала территории с давними управленческими традициями и сильными национальными элитами, чьи интересы были непосредственно связаны со сложившимися административными границами (368).

Глобальная «перекройка» Средней Азии и Дальнего Востока началась с предложения Н.Н. Муравьёва-Амурского о создании обширного генерал-губернаторства, которое включило бы в себя Оренбург, Казахскую степь и Среднюю Азию (с. 377). Приморскую и Енисейскую области предлагалось передать в управление западно-сибирскому генерал-губернатору. Против расширения юрисдикции Западно-Сибирского генерал-губернаторства выступили военный министр Н.О. Сухозанет и генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд. И хотя предложение Муравьёва-Амурского не было принято, внутриведомственные дебаты, им вызванные, выявили невозможность управления Дальним Востоком из Иркутска (в силу климатических условий, больших расстояний, бюрократических преград), а также необходимость одновременного проведения административных реформ на Дальнем Востоке, в Сибири и Средней Азии (с. 379).

В свою очередь, такая реформа могла повлиять на изменение границ Восточно- и Западно-Сибирского генерал-губернаторств. Автор называет это явление «бильярдным синдромом»: экспансия России на Восток подразумевала перераспределение регионов между генерал-губернаторствами (с. 370). Создание Дальневосточного генерал-губернаторства было направлено, прежде всего, на сокращение подведомственной области восточно-сибирского генерал-губернатора. В рамках этой реформы планировалось также, как отмечалось, передать Енисейскую губернию под юрисдикцию генерал-губернатора Западной Сибири.

Третья причина задержки реформы заключалась в том, что правительству требовалось время, чтобы определить, сможет ли Приамурский регион стать экономически самостоятельным. В этом сомневался, в частности, Н.Н. Муравьев-Амурский, предлагавший оформить в независимое военное губернаторство только Амурскую и Приморскую области (с. 370). Другая группа чиновников (Г.Х. Гасфорд, М.С. Корсаков) настаивали на том, что сделать Приамурский регион обороноспособным могла только быстрая колонизация последнего и его экономическое развитие. Они предлагали создать не просто военное, а полноценное генерал-губернаторство с широким кругом гражданских полномочий. Именно в дискурсе второй группы законодателей, отмечает автор, родилось географическое понятие «Дальний Восток». Оно включало Приамурский регион и Забайкалье, которое предполагалось превратить в его «экономический, военный и демографический тыл» (с. 371). Вопрос о включении в Приамурское генерал-губернаторство Забайкалья решающим образом определял содержание формировавшейся административной единицы: население Забайкалья по переписи 1897 г. составляло 660 тыс. человек - число, более чем в восемь раз превышавшее население Приморской и Амурской областей Приамурского региона вместе взятых (там же).

Четвертая причина задержки - то, что автор называет «Южно-Уссурийским комплексом»: опасения правительства по поводу неспособности защитить территорию между рекой Уссури и Японским морем в случае войны с Китаем и (или) Великобританией. По мнению автора, после заключения Айгунского и Пекинского договоров Южно-Уссурийский край стал самым ценным стратегическим пунктом на Дальнем Востоке России. Актуальность его освоения определял ряд факторов: конец изоляции Японии, колонизация Китая западными государствами, внутренняя нестабильность Кореи (с. 372). Тем не менее штаб Тихоокеанского флота России и столица Приморской области до 1880 г. находились во Владивостоке.

Правительство хотело, чтобы Приамурский край развивался самостоятельно, не пользуясь ресурсами Европейской России. Для этого генерал-губернатору разрешалось пользоваться экономической базой (транспортными сетями, сельскохозяйственными достижениями и рыболовными промыслами), которые были наработаны в крае китайцами, корейцами и японцами (с. 376). Вместе с тем следовало

всячески избегать полной зависимости от иностранных ресурсов, чтобы, в частности, не способствовать концентрации большого числа китайских подданных недалеко от границы Китая. Так возникла, полагает автор, «историческая дилемма» российского Дальнего Востока, которая остается актуальной и по сей день. Этот регион и в настоящее время не способен существовать без сотрудничества с восточноазиатскими странами, однако это сотрудничество не поощряется центральным правительством (с. 376).

Т.К. Сазонова